

Инна Девятярова

КАРАСАЙ

Небо над головой – ледяное, будто заиндевелое, колючие снежинки клинками секут сизую, метельную тьму. «Короткие дни, точно овцы губами объели, – думает Карасай. – До ночи еще далеко, а солнце – уже нырнуло за дальний речной берег, плеснуло закатом в снеговые тучи. А овцы... – привычно возвращаются мысли, – овцы сыты».

Откинув вышитый полог, он вглядывается в предвечернюю темень, где жалостными, тонкими голосами блеют овцы, призывая обратно беспечное солнце, и козы вторят им, обтирая бока о колючие ветки тугая, и грозно покрикивают пастухи, а потом – полог задерживается, и войлочное тепло юрты отсекает ветром пронизанные голоса.

– Ты поступил мудро, Алтынай-улы, послушав совета отца своего, откочевав со стадами своими в эту небом благословенную степь, – у того, кто выхлебывает, присев на кошму перед ним, гостевую пиалу – обветренное от мороза лицо и глаза – узкие, как сарайная щель, с хитроватым прищуром. – В улусе джгут, верблюды ревут от голода, заглушая стенанье коров. Когда по земле побегут водяные ручьи, и белая, как кости, зима, покинет наши края, угоняя последним дыханьем своим стада, не пережившие джгута... а ты вернешься с кочевья с умножившимися стадами своими – что скажешь хану о своем благополучии, что скажешь завистливым взглядам соседей, о, предусмотрительный Карасай?

– Скажу то, что велел мне отец, – принимая пустую пиалу, Карасай улыбается – не гостю, но собственным мыслям, текущим неторопливо, точно полноводные реки нежно-небесного цвета, из которых утоляет вечернюю жажду истосковавшийся скот. – Скажу, что не оставлю в беде свой улус. Что сяду на быстрого аргамака своего, и, стегнув его по спине камчей, проскачу трижды через обильные стада свои. Пусть по правую руку будет мое, по левую – хана, а средняя часть сородичам моим отойдет, и никто пусть не будет внакладе. Вот что скажу я тем, чьи взгляды изъязвят мой взгляд ядовитую завистью.

Метель бьется в стены юрты – осторожными, чуткими пальцами, гладит дутые войлочные бока. Карасай вслушивается – в тихий, вкрадчивый шепот ее, в лукавые снежные голоса – джиннов, что лютуют в предночной темноте, метут хвостами своими горбатые снеговые сугробы, рычат хищным рыком – в пугливые уши овец. А потом метель затихает, и только белыми крупинками соли стучит в юрту снег, летят и летят с неба хрупкие талые звезды, пропитывая

собою войлок. После сытного плова клонит в сон, веки Карасая слипаются. Он закрывает глаза – и черное, звездами обильное небо нависает над ним, и дует пронзительный ветер, сгоняя звезды с насиженных мест, холодный степной ветер касается сонной щеки...

* * *

– Прикрой форточку, дует, – говорит мать, и Карасай вздрагивает, натягивая одеяло до подбородка. – И нечего в постели валяться – на выступление опоздаешь! Ох, горюшко ты мое... времени сколько... проспал, опять проспал, будильника не услышал! Позавтракать... позавтракать-то хоть успеешь?

Карасай протирает веки, слипшиеся от сонных видений. Мать дергает шторы, и нежное, золотисто-рыжее, вихрастое солнце вливается в комнату, наполняя ее собою от пола до потолка. Карасай поднимает ладони, приветствуя солнце, окунает кончики пальцев в негасимое сияние его.

– Поможешь мне сегодня – быть ловким и быстрым, как настоящий батыр? – шепчет он, заговорщицки подмигивая раздухарившимся солнечным зайчикам, затеявшим по постели его радостный перебег. – Я не хочу подвести свою школу... маму не хочу подвести, ей стыдно будет, если я опять буду хуже других.

– Вставай уже, хватит разнеживаться! – мать пихает на одеяло тугой паке- точный сверток, тотчас же облитый веселой солнечной пеной, налетевшей из окон с порывом ветра – незадернутых штор. – Форму я тебе собрала... Сейчас бутерброды... бутерброды с чаем в пакет собираю... вот же аллах наградил – сыном- недотепой... Карасай!

Темная, лишняя солнца прихожая кажется ему узкой и тесной... она всегда была такою, или такою сделалась – в последние месяцы, когда с каждым сном Карасай все больше и больше меняется, теряя в детской припухлости щек и наивности глаз, обретая взамен юношеской, жеребьячей угловатости, что ударяет его затылок о кажущимися когда-то такими высокими полки, что ноги его – едва втискивает в недавно купленные ботинки? Это пробуждающееся богатырство стесняет его, досадуя на свою неловкость, Карасай завязывает шнурки – трам-м! – шнурок рвется вслед торопливым движениям. Карасай хватается подмышку пакет, распаивает дверь, галопом сбегая по лестнице.

– Бутерброды! – настигает его на ступенях. – Бутерброды забыл! Чем завтра- кать будешь... горе мое...

Солнце кипит, заливая небесною лавой асфальтовые пути – бесконечных ал- матинских улиц, шуршащих метлами дворников, вызванивающих дребезжаньем трамваев, гудящих голосами прохожих, что обтекают Карасая подобно весенним ручьям, и Карасай теряется в этом людском половодье, и замирает, вглядываясь в номера автобусов, проносящихся мимо него подобно неоседланному аргамаку. В животе урчит, недовольным зверем просыпающийся голод вынуждает Карасая поморщиться.

«Может, вернуться, взять бутерброды? – растерянно крутится в голове. – Тогда точно опоздаю... Нет, лучше терпеть... вот предки-батыры ж во время походов терпели – и ничего! Им мамки бутербродов с собой не накладывали!»

И, воодушевленный этою мыслью, Карасай торопится к остановке, и солнеч- ный ветер, с размаху летящий в лицо, вымывает из памяти остатки полуночных снов – о черной метели и белых сугробах, подобных верблюжьим горбам, о

жалостных криках испуганных коз, разгоняемых посвистом камчи – и хитром прищуре глаз пришлого гостя, сидящего в юрте предка его много сотен полуночей назад, о маслом текущих словах – хвалящих предусмотрительность предка, коей начисто лишен он, Карасай...

* * *

Степь пахнет конским потом и солнцем прожаренной пылью. Взбивая копытами высохшую траву, конь несет Карасая – туда, за границу меж землю и небом, где над раскаленным казаном солнца клубится белый пар облаков.

– Карасай! – ветром догоняет его.

Он оборачивается – к войском вспенившейся степи позади него, к золотым, волчьеглавым знаменам, скалящимся степному буйному солнцу.

– Карасай!

Смоляно-черный, будто вытканый из ночной темноты, тулпар под ним приходит в волнение, вздымается на дыбы, копытами рвет неподатливо-вязкий воздух. Золотыми песчинками солнце ищет приюта в слезящихся конских глазах, остроперой стрелой, сорванной с тетивы, конь несется вперед – туда, к наползающе-черной тени горы Суыктобе, перевести дух, отдыхая от изнуряющей скачки и неумолимости солнца, но Карасай улыбается, зная, что отдых еще далеко.

Суыктобе велика. Тяжелое, отрогами топорщащееся тело ее нависает над степью, седая снегами макушка – жметя под облака. У ног ее земляными червями копошатся жунгары, ничтожные войском своим перед величием горы, и тканые, расписные шатры их ветром трепещущими боками бросают вызов Суыктобе. Один из них, небесно-белого, ханского цвета, раздувшийся от значимости своей, рядами жунгарских жигитов окруженный плотным полукольцом – вздымает к небу полотнище знамени-туга, и камышами колеблются бунчуки вокруг него – стоят, не склонив головы.

– Карасай! – швыряет ветер под копыта коню.

Конские ноги – точно неутомимые крылья: беркута, что воспаряет над степью, над желтой, пропыленной землей к всеочищающему солнцу-костру, к ветру, со смехом уносящему прочь дурные сомнения и страхи. Карасай бьет пятками в конский, потом смазанный бок, легко перекатывается под тулпарово брюхо, вцепившись рукой за поводья. Копытами распластавшись в воздушных волнах, его тулпар приветствует Суыктобе почтительным ржаньем, и гора отвечает ему – дальним гулом падающих камней.

Ханский шатер надвигается – ближе и ближе, отростком горы, выплунутым матерью-Суыктобе из-под пыльной земли, и ни единая пылинка не смеет коснуться белоснежного бока его. Карасай впечатывает в шатер разом всю пятерню, с корнем срывая небесного цвета туг жунгарского войска, вместо него на скаку водружая – туг племени шапыраиты, вызывающе золотой, смехом распахнутой волчьей пасти оскалившийся онемевшим жунгарам.

– Карасай! – бьет в лицо порывами колкого ветра. – Ловкий, отчаянный Карасай!

Солнцем выжженное небо над головой, в пыль низринутое небо – поруганным жунгарским тугом, отданным на откуп неистовству конских копыт. Степь содрогается – от гула бесчисленных конниц, идущих на битву под волчьеглавыми

стягами, и Суыктобе ждет их, нахмурясь седыми вершинами, и ветер лохматит белые облака – над макушкой ее.

* * *

– А ты сделай поправку на ветер, – говорит Олжас, сплевывая в пригоршню смех. – Вот этак рукой разверни, от плеча – глядишь, и улучшатся результаты. Ветер – он твое копьё приподымет, да ка-ак придаст ускорения!

«Это я тебя сейчас приподыму и придам ускорения, балабол, – зло думает Карасай. – Какой, шайтан его забери, ветер в закрытом спортзале? Хорош издеваться уже...»

Воздух пахнет потом и застоявшейся пылью. Белым размеченные дорожки под ногами Карасая ждут – касаний кроссовок его, бегущего все быстрее и быстрее, до сорванного дыхания, до солнечно-ослепительных вспышек перед глазами... до брошенного напряженной рукою копья, что хищным беркутом воспарит над спортзалом, и Карасай установит рекорд, и...

– Построились. Начали! – вырывает крик тренера из подоблачных мыслей, и Карасай строится вместе со всеми, и зеленью степи притворившаяся дорожка под ногами его отдает успокоительным скрипом, и лампочковый свет над головою – ярче самого яркого сияния солнца.

– Карасай!

Он ловит ногами начало дорожки – прямой, как копейное древко, концом своим упирающейся в белую, будто снегом проведенную линию. Карасай зябко поводит плечами, опасаясь испачкать кроссовки в этом упреждающе-белоснежном – как в прошлый раз, когда его результат не был зачтен, и горло Карасая сжала обида, и он давился ею, бессильно запивая слезами, точно сухой, черствой лепешкой, комками застревающей под языком...

– Карасай! – оглушающе ударяет в уши, ветром крика разметывается по спортзалу. – Ка-ра-сай! Ка-ра-сай!

Ветер гонит батырскими тычками в спину, несет Карасая на распушившихся крыльях своих – по дорожке, бешено убегающей из-под кроссовок его, точно сам шайтан, цокая копытами, гонится следом, высунув на плечо дымящийся красный язык. Карасай мчится прочь – от ветра и от шайтана, и стальное копьё дрожью бьет в предвкушеньи на правом плече его, и другое плечо – сводит судорогой усталости, а потом – рука его распрямляется, точно пружина, и с пронзительным, торжествующим пением копьё устремляется в путь. В его тонких, невидимых миру крыльях – сила беркута и грациозность тулпара, его хищно нацеленный клюв заставляет улепетывать мушек, попавшихся у него на пути, навеки вселяя страх в трепещущее мушиное сердце.

– Карасай! Йе-е!

Усталость обращает крылья в тяжкий, грузом давящий в землю камень. Вильнув напоследок хвостом, копьё опускается, падает, ложится со вздохом в зеленое ложе дорожки, под оглушительный посвист, под крики: «Плашмя! Несчитово! Последнюю попытку промазал! Карасай! Ка-ра-сай!»

И Карасай закрывает ладонями уши, и мрачно плетется – по ветра и солнца лишенному, бесконечно долгому спортзальному полю, и черным спасительным зевом маячит впереди раздевалка, и яростные, будто чужие, видения вспыхивают в голове – о гулкой, бескрайней степи, пронизанной ослепительными лучами

светила до самой последней травинки, о ветре, хозяйничающем над травой, о бешеном стуке копыт, несомом ветренными голосами, и имени «Карасай» – того, кто славился на всю степь истинно батырской ловкостью... но что ныне до этой ловкости так опозоренному потомку его?..

* * *

Это впечатывается в память, песчинками оседает на дне – залитое кровью лицо, бессмысленный, стекленеющий взгляд – жигита, сраженного в грудь неумолимым мечом Карасая. Нелепо взмахнув руками, жигит словно проваливается, птицей летит – в раскрытую объятия пустоту за спиной его. У пустоты – сонмы трепещущих крыл и ясно-строгий, кинжалом режущий взгляд. Карасай щурит глаза – на ослепительный блеск, речным половодьем разлившийся вокруг, на белые, облачные одежды склонившегося над мертвецом.

– Азраил и войско его, – шепчет он, озирая глазами – степь, мятущуюся черными фигурами всадников, свистом стрел и скрежещущим лязгом мечей пораженную степь. Легконогие, они порхают поодаль, не касаясь травы, и светом изнуряющие глаз кинжалы их вгрызаются в груди умерших, и бледные ладони их не испачканы кровью – ангелов, явившихся по свои законные души. И Карасай не смеет мешать предначертанному, и меч его рубит без промаха, и, разрывая степь птичьими тонкими голосами, души упокоенных им струятся поодаль, жмутся к белым одеждам ангелоликих, и хриплое конское ржание не покрывает пение ангельских труб.

– Карасай! Осторожнее!

Он оборачивается – вслед упреждающему крику Жалантос-батыра, вслед свисту стрелы, оцарапавшей щеку ядовитым, змеиным укусом. У лучника – в смехе распяленный рот, прищуренный глаз его ищет мишень на груди Карасая, но раньше, чем, благословленные касанием пальцев, стрелы лука его покинут собой тетиву, Жалантос-батыр опускает свой меч на шею стрелка, и, покачнувшись на шею в недоумении, лучникова голова опадает в ковыль – и нежное, трепещущее сияние тотчас обнимает ее. Карасай переводит дыхание – и видение исчезает.

– В атаку! Изничтожим же до последнего жунгарское войско! Хватит им нашу землю топтать! – набрав полную грудь воздуха, кричит Карасай, и жигиты его – продолжают крик этот радостным ревом, высоко разносят над степью – почерневшей от поднятой пыли, терпким запахом крови пропитанной степью. Степь рычит в ответ – вкрадчивым рыком заблудшего барса: скаля острые зубы, он крадется бесшумно, мягким брюхом припадая к земле, и белейшую чистоту его бархатной шкуры не тревожит ни единое пятнышко.

– Ты – посланец самого Азраила? – подмигивает Карасай. – Тогда помоги моему мечу собрать в этот день обильную жатву. Азраил оценит твои старания...

И барс воспаряет в прыжке, зубами впивается в незащищенное открытое горло – жунгарского батыра, скрестившего меч свой с мечом Карасая, и рвет, оголяя наружу хрящи и белые катыши кости. И время застывает в полете – тягучее, будто смола, и солнце стекает по кровью крапленным мечам двух сошедшихся армий, и ветер не тревожит более их боевых знамен... А потом – Карасай моргает, прощипывая соринку в глазу, и время вновь пускается в бешеный перескачок.

* * *

– Времени на подготовку тебе не хватило, вот чего! – многозначительно говорит Жалгасбек. – А так бы ты им всем показал... в общем, ты, эта... не расстраивайся. Потренируешься еще – и всех сделаешь!

Жара растекается маслом по алматинским улицам, спрятав ветер – в каменные пазухи близлежащих домов. Карасая хочется пить, и голодом сводит желудок, и утешения Жалгасбека не придают ему ни капельки веры – в то, что все когда-то изменится, и он станет другим, таким, каким ему хотелось бы стать, каким он видит себя в неисполнимых мечтах: мудрым, как пещерный дракон, проворным, как беркут, парящий над степью... ну почему он так несправедливо лишен этих столь полезнейших качеств?! Карасай пинает ногою камень, отбрасывая прочь с жарою прокаленной дороги, и, жалостно тренькнув, камень влетает в подворотню напротив – тотчас же отозвавшуюся звуком шагов навстречу шагам Карасая.

– А это наш знаменитый спортсмен. Он никогда не проигрывает... или не выигрывает, шайтан его разберет, – в зубах у говорящего – прикушенная травинка, его кривящиеся усмешкою губы выплевывают на асфальт белые капли слюны, точно у зверя в засаде, притомившегося в ожиданье добычи. – Он думает, что он очень крутой. И его друг тоже так думает. Покажем им, что они ошибаются?

И сонная, жарой разморенная улочка, вмиг оживает – криками затеявших драку и криками принявших ее, сосредоточенным стуком поджатых костяшек пальцев, сбиваемых о чужие скулы, и шарканьем ног по расчерченному тенями асфальту.

Карасай наступает на тень, берет ее в плен под ботиночным каблуком, извивисто-черную, ускользящую в стороны ежесекундно, и крепкий кулак его – бьет с маху в то, что возвышается над этою тенью, и противник его хнычет, кровавая юшкой из носа горячий асфальт, и друзья его – отступают в темноту подворотни, вдруг разразившуюся звонким, задиристым лаем.

– Барс! – обрадовано кричит Карасай. – Ты мой умничка Барсик... Фас его! За пятки куси! Ага, побежали! Тоже мне, герои-батыры – впятером на двоих нападуть...

– На троих, – потирая заплывший глаз, хмыкает Жалгасбек. – Барсика я тоже считаю. Он наш, хоть и дворняга дворовая. Недаром ты его всю дорогу подкармливаешь... жигит недоделанный! Нет, здорово мы им навалили, скажи! А встретим еще – так еще навалием!

И дверь открывается, и черный подъезд проглатывает их торжествующие голоса. И снежмордая, кудлатая псина с радостным визгом кидается вслед, замороженная ароматами дымного плова, что варит на кухне мать Карасая.

Ну вот, и бутерброды не понадобились, – как-то невпопад думает Карасай. – А все-таки здорово я их всех, а... Как Карасай батыр наглое жунгарское войско!» И настроение его враз подымается – выше самых больших облаков, подгоняемых ветром-камчей – над крышами городских многоэтажек.

* * *

Ветер лют, воет по-волчиному дико, царапает стены юрты пыльными, злыми когтями. Откинувшись на кошме, Карасай готовится – передать душу свою в руки светлого Азраила, что, сложив все четыре крыла, ждет его, приоткрыв полог юрты бушующей буре.

– Ауез, Отен, – с трудом шевеля языком, говорит Карасай, – вам оставляю я заботу о роде своем. Кошек, Туркпен... – он переводит дыхание, и Азраил невозмутимо кивает – мол, не торопись, я еще подожду. – Вам отдаю я в руки заботу о роде своем, сыновья... Помните, каким жил на свете когда-то старый батыр Карасай, и передайте потомкам своим...

Он замирает, вперившись в полог юрты цепенеющим взглядом, и свет ангельских крыльев делается невыносимо, ослепительно ярким, переполняя собою темную юрту, выплескиваясь за пределы ее, и в этих пределах – ему чудится трудно вообразимое: странные повозки на гремящих колесах, проносящиеся мимо гигантских размеров каменных юрт, люди, что сидят в этих юртах без всякого страха... и лицо мальчишки, наподобье того, что он видел когда-то в юности, глядясь, точно в зеркало, в зыбкую речную гладь...

– Мой далекий потомок... – улыгнувшись, выпускает из губ Карасай, ощущая холод клинка Азраила – у своей незащитно открытой груди. – Я рад, что ты помнишь меня...

А потом – все уходит, с короткою вспышкой боли, погружающей мир в черноту.

* * *

Щелчок выключателя – и свет угасает, оставив комнату лунным теням и шороху штор.

– Я тоже рад, что ты меня помнишь... там, где ты есть сейчас, о, батыр-прапрадедушка, – шепчет в темноту Карасай, вытирая со щек беспокойные лунные блики. – И что ты все же передал мне – если не ум или ловкость, то хотя бы умение драться!

И, успокоенный, он погружается в сон...

